

ТАТА ЕФРЕМ

АНАТОМИЯ ИСТИННОЙ
ЖЕНСКОЙ СИЛЫ: НЕ РЕБРО,
ПОЗВОНОЧНИК.

18+

Тата Ефрем

Анатомия истинной женской силы: Не ребро, а позвоночник.

<https://litres.ru/74042591>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что такое истинная женская сила? Не конкуренция с мужчинами, не жертвенность, не удобство. Это способность жить из своего центра — слышать себя, доверять телу, говорить правду и выбирать свободу, а не одобрение.

Эта книга — путеводитель по возвращению к себе. Вы пройдёте путь от точки ноль, где старые правила перестали работать, к обретению внутренней вертикали. Без волшебных таблеток и готовых решений. С практиками, историей и поддержкой.

Для женщин, которые хотят перестать ломаться и начать прорастать.

Тата Ефрем

Анатомия истинной женской силы: Не ребро, а позвоночник.

Анатомия истинной женской силы: Не ребро, а позвоночник.

Пролог. Точка ноль: Откуда мы падаем.

1. Шепот в бетонном лабиринте.

Мы рождаемся в мире, который уже всё за нас решил. Едва сделав первый вдох, девочка попадает в паутину смыслов, сплетенную задолго до её появления. Ей дают имя, и вместе с именем — невидимый свод правил. Ей показывают розовый цвет, и он становится цветом её будущей покорности. Ей дарят куклу, и она учится заботиться о бездушном пластике, тренируя мышцу материнства, ещё не понимая, хочет ли она вообще быть матерью. Мир встречает женщину не как чистый лист, а как форму, которую нужно заполнить правильным содержанием.

Мы не помним момента грехопадения. Оно произошло так давно, что стало частью нашего генетического кода, въелось в кости, в изгиб позвоночника, в привычку опускать глаза. Мы рождаемся уже падшими — не в религиозном смысле первородного греха, а в смысле какой-то фундаментальной потери себя. Нас отлучили от нашего источника ещё в колыбели цивилизации, и теперь мы блуждаем в лабиринте, построенном не по нашим чертежам, пытаюсь найти выход, который нам обещали, но которого, возможно, не существует.

Современная женщина — это ходячий парадокс. Она носит брючные костюмы и управляет корпорациями, но продолжает извиняться, когда её перебивают на совещаниях. Она зарабатывает больше мужчин, но тратит эти деньги на бесконечные попытки «исправить» своё тело, которое всегда кажется ей недостаточно совершенным, недостаточно худым, недостаточно молодым. Она читает книги по саморазвитию, медитирует, посещает ретриты, где учится «дышать маткой», но возвращается домой и не может сказать партнёру, что ей нужно на самом деле. Она кричит на митингах о своих правах, но тихо плачет ночью в подушку от какого-то необъяснимого, всепроникающего одиночества.

Парадокс в том, что мы добились многого. Юридически мы почти равны. Мы носим что хотим, спим с кем хотим, ро-

жаем или не рожаем, строим карьеру. Мы завоевали внешние территории. Но внутри — выжженная пустыня. Мы сидим в кресле генерального директора и чувствуем себя самозванками, которые вот-вот будут разоблачены. Мы произносим вдохновляющие речи о сестринстве, а затем критикуем фотографию подруги в социальных сетях, находя в её недостатках утешение для своих. Мы достигли вершин мужской игры, но забыли спросить себя: а хотим ли мы вообще играть в эту игру?

Это и есть точка ноль. Это момент, когда ты стоишь на вершине лестницы, которую так долго штурмовала, и понимаешь, что она приставлена не к той стене. Это тихий ужас узнавания: всё, чему нас учили, все эти «ты должна быть сильной», «ты должна быть удобной», «ты должна быть красивой», «ты должна быть успешной», «ты никому ничего не должна, но и не проси помощи» — это не освобождение. Это новая, более изопрённая клетка. Прутья в ней сделаны из наших собственных амбиций и страхов, а замок смазан нашим молчанием.

2. Ампутация корня.

Чтобы понять, откуда мы падаем, нужно честно посмотреть на то, что именно у нас забрали. Представьте себе могучее дерево. У него раскидистая крона, глубокие корни, оно

переживает бури и засухи. А теперь представьте, что кто-то решил, что дереву лучше быть столбом. Столб ровный, предсказуемый, его легко измерить, он не занимает много места, он не создаёт хаоса своей асимметрией. И вот дерево обрубают, обстругивают, лишают кроны и корней, заливают в бетонное основание. Стоит ли удивляться, что столб больше не плодоносит, не цветёт, не даёт тени? Стоит ли удивляться, что внутри него поселяется гниль?

Нечто подобное проделали с женской природой. Нас обстругали под стандарт, который был удобен для определённого типа цивилизационного развития. Развития линейного, иерархичного, конкурентного, основанного на контроле и подчинении. В этом мире женская сила — цикличная, интуитивная, хаотичная, принимающая, тёмная и светлая одновременно — оказалась не просто ненужной, но опасной. Её нужно было либо искоренить, либо запереть, либо выставить в музее как экзотическую диковину, лишённую всякой реальной власти.

Так началась великая ампутация души. Женщину отсекали от земли — от её тела и его мудрости. Тело стало врагом, которое нужно дрессировать, голодом морить, насиловать стандартами. Её отсекали от неба — от интуиции, от прямого знания без логических обоснований, от вещих снов и способности слышать неслышимое. Всё это объявили «бабски-

ми выдумками», суевериями, истерикой. Её отсекли от других женщин — раздробили сестринство на миллиард одиноких конкурирующих единиц, убедив, что главный приз в этой гонке — одобрение мужчины и место рядом с ним на пьедестале, который всегда рассчитан на одного. И, наконец, самое страшное: её отсекли от самой себя. Внутрь женщины встроили надзирателя, который следит за каждым её шагом, поправляет, одёргивает, критикует, напоминает, что она «недо-».

Этот внутренний голос — не её. Это многотысячелетнее эхо запретов, которые вбивались в женскую голову с такой силой, что стали звучать как собственная мысль. «Не будь громкой. Не будь агрессивной. Неудобной. Не качай права. Не показывай свой ум, мужчины этого боятся. Не показывай глупость, будешь выглядеть душой. Не спи со многими, ты обесценишься. Не будь холодной, фригидной. Будь сексуальной, но не будь шлюхой. Работай, но не забывай про дом. Сиди с детьми, но имей свой доход. Ты должна всё успевать и выглядеть при этом так, будто только что из спа». Это невозможно выиграть. Эта игра создана, чтобы женщина всегда чувствовала себя ущербной, вечно догоняющей ускользающий горизонт совершенства. И пока она бежит, у неё не остаётся времени остановиться и задать единственный важный вопрос: «А кто, чёрт возьми, написал эти правила?»

3. Мир, построенный без нас.

Архитектура нашей реальности — будь то язык, законы, религия, наука или офисное расписание — была спроектирована по мужским лекалам. Это не обвинение, это диагноз. Веками у женщин не было доступа к формированию этих структур. Нас не было в зале, когда чертили чертежи мира. Нас допустили туда относительно недавно, и то — на правах учениц, которые должны освоить чужой инструментарий, чтобы доказать свою состоятельность.

Линейное время, в котором мы живём — от дедлайна к дедлайну, от зарплаты до зарплаты — это мужское время. Оно прямое, как стрела, и неумолимое, как метроном. Оно не знает пауз, приливов и отливов, периодов покоя и буйного цветения. Оно требует постоянной продуктивности и наказывает за «простои». Но женское время другое. Оно циклично. Оно движется по спирали, возвращаясь к одним и тем же точкам на новом витке. Оно подчиняется луне, а не солнцу. Оно знает, что после зимы приходит весна, а после активности необходим отдых, что менструальная фаза покоя — это не слабость, а время самой глубокой интуитивной настройки. Но современный мир этого не знает и знать не хочет. Он требует от женщины быть всегда в фазе «лета»: активной, сияющей, продуктивной, предсказуемой. Неделя за неделей, месяц за месяцем, без права на зимнюю спячку и осеннюю

меланхолию.

То же и с мышлением. Рациональность, логика, анализ, верификация — главные боги современности. Всё, что не поддаётся измерению, объявляется несуществующим. Интуиция, предчувствие, эмпатическое считывание поля, телесное знание — всё это сброшено в резервацию «мистики» и «эзотерики», где отчаявшиеся женщины ищут ответы, которые им не дала официальная культура. Но проблема в том, что даже там, в этом пространстве поиска, нас часто поджидают новые ловушки: патриархальные гуру, обещающие раскрыть «сакральную женственность» через подчинение мужчине, или коммерческие культы, продающие «пробуждение» по цене годового абонемента.

Мы потеряли контакт с собственным знанием. Женщина, которая не может объяснить, почему она чувствует тревогу в присутствии, казалось бы, приятного человека, но её тело сжимается в комок, скорее всего, скажет себе: «Это мне показалось. Я накручиваю. Я истеричка». Она не доверяет своему первому и самому точному инструменту познания — своему телу и интуиции. Её научили доверять фактам, словам и внешним авторитетам. Её убедили, что её внутренний компас сломан.

И вот она, точка ноль. Полная дезориентация. Компас по-

казывает на север, но карта говорит, что севера не существует. И она бредёт по кругу, спотыкаясь о собственные страхи, оглушённая шумом чужих голосов, говорящих ей, куда идти и кем быть.

4. Крик, запертый в горле.

Самый верный симптом нашего падения — это голос. Не тот оттренированный, поставленный голос, которым мы проводим презентации и произносим тосты. А тот первозданный, глубинный голос, который рождается в животе, проходит через сердце и вырывается наружу без цензуры. Голос желания. Голос боли. Голос ярости. Голос правды. Голос песни, которая не предназначена для чужих ушей, а просто рвётся из груди, потому что птица поёт не для того, чтобы её оценили, а потому что она жива.

Этот голос у нас отобрали. Нам заткнули рот — иногда мягко, иногда жестоко. «Не кричи, ты же девочка». «Не плачь, а то покраснеет нос, будешь некрасивая». «Не повышай голос, это неприлично». «Не говори о своих проблемах, ты грузишь людей». «Не жалуйся, ты сильная». Голос женщины столетиями считался либо соблазном (сирены, поющие моряков на скалы), либо шумом (женские сплетни, бабские разговоры). Но никогда — голосом истины.

Даже сегодня, когда женщина говорит о своём опыте, ей не верят. Её просят предъявить доказательства. Её опыт считается субъективным, единичным случаем, преувеличением. «Ты драматизируешь». «Тебе показалось». «Он не это имел в виду». Систематическое обесценивание женского свидетельства привело к тому, что мы сами перестали себе верить. Мы замолкаем на полуслове. Проглатываем обиды. Смеёмся над шутками, которые нас ранят, чтобы не прослыть «неудобной». Мы носим в горле комок из невысказанных слов, и этот комок разрастается, превращаясь в болезни щитовидной железы, в мигрени, в депрессию. Невысказанное становится ядом, разъедающим нас изнутри.

«Поднять голову» — это метафора, которую мы используем, часто не осознавая её телесной, буквальной правды. Когда нас подавляют, мы опускаем не только взгляд. Мы вжимаем шею в плечи, сутулимся, сворачиваемся в позу эмбриона, пытаемся занять как можно меньше места в пространстве. Наше тело принимает форму поражения. Поднять голову — значит физически развернуть плечи, открыть горло, освободить горловую чакру, перестать быть заложницей собственного молчания. Это акт огромной смелости, потому что вместе с головой поднимается и наша видимость. Мы становимся мишенью. Мы рискуем.

Истинная женская сила — это не способность перекры-

чать оппонента или задавить его аргументами. Это способность заговорить своим голосом впервые в жизни. Даже если он дрожит. Даже если слова путаются. Даже если ты сама ещё не до конца уверена в том, что говоришь. Это звук прорывающейся сквозь асфальт травы. Трава не спрашивает разрешения. Она просто растёт.

5. Отравленный колодец: сила, которую мы имитируем.

Оказавшись в мужской системе координат, мы попытались играть по её правилам и назвали это освобождением. Мы переняли мужские модели поведения, думая, что в них и есть сила. Мы стали жёсткими, конкурентными, эмоционально недоступными. Мы научились подавлять свои чувства и назвали это профессионализмом. Мы вошли в гонку достижений, поставив на кон свою душу.

И поначалу это сработало. Нас стали замечать. Нас начали повышать. Мы почувствовали власть. Но это была власть взаймы. Мы стали «своими парнями» в юбках, но платой за входной билет в этот клуб стало предательство собственной природы. Мы надели броню, и броня приросла к коже. Мы уже не могли её снять, даже когда хотели. Мы разучились быть уязвимыми. Мы стали презирать «слабость» в других женщинах — тех, кто не смог или не захотел надеть такую же броню. Мы раскололись на «сильных, независимых» и

«обычных», и раскол этот прошёл не только по обществу, но и внутри каждой из нас.

Внутри каждой современной женщины живёт внутренний мужчина-надсмотрщик и маленькая испуганная девочка. Надсмотрщик подгоняет, критикует, требует результатов, стыдит за прокрастинацию, за лишнее пирожное, за проявленную эмоцию. А девочка хочет любви, принятия, отдыха, хочет, чтобы её просто взяли на ручки и сказали, что она молодец. Но надсмотрщик ей этого не позволяет. Он говорит: «Соберись, тряпка! Ты должна быть сильной. Ты же феминистка. Ты же всё можешь сама».

Это и есть главная трагедия современного этапа: мы заменили одну форму несвободы другой. Раньше нас запирали в доме и запрещали работать. Теперь мы должны работать в два раза больше, чтобы доказать, что мы чего-то стоим, плюс оставаться ответственными за дом и эмоциональное обслуживание близких. Раньше нам запрещали проявлять сексуальность. Теперь мы должны быть сексуально раскрепощёнными и доступными, иначе мы «закомплексованные ханжи». Раньше мы были обязаны рожать. Теперь, если мы выбираем материнство, мы рискуем услышать, что «плодим нищету» или «закопали свой потенциал в песочнице».

Свобода выбора обернулась тиранией выбора. Мы раз-

рываемся между противоречивыми требованиями, и в этом разрыве теряем последние остатки внутренней тишины. Мы больше не слышим шёпота своей природы. Внутренний колодец, из которого была живая вода интуиции, желаний и спокойной силы, отравлен. Туда слили токсичные отходы чужих ожиданий, рекламных образов, родительских предписаний и травм поколений. Мы заглядываем в этот колодец в надежде увидеть отражение себя настоящей, а видим лишь мутную воду и искажённые лица наших матерей и бабушек, которые тоже когда-то заглядывали туда и тоже не нашли ответа.

6. Зов глубины: воспоминание, которое не умирает.

И всё же. И всё же... Где-то там, под слоем ила и грязи, на самом дне отравленного колодца, бьёт родник. Его не смогли засыпать окончательно. Его пытались взорвать, залить бетоном, объявить несуществующим, но вода пробивает себе путь. Иначе как объяснить это смутное, но неотвязное чувство тоски по чему-то, чего мы никогда не знали, но что почему-то помним? Эту ностальгию по силе, которой у нас никогда не было в этой жизни, но которая кажется нам более реальной, чем всё, что нас окружает?

Это память клеток. Это генетический код, который помнит времена, когда женщина не была вторичным полом, а

была воплощением самой Жизни. Когда её тело не стыдилось, а почитали как священный сосуд, в котором пульсирует тайна бытия. Когда её интуиция была законом племени, а её слово на совете старейшин имело вес, потому что она видела то, чего не видели воины и охотники. Когда её циклы были синхронизированы с луной, и кровь её не была «нечистой», а была мощнейшей магической субстанцией, связующей род с землёй.

Это не фантазии о золотом веке матриархата. Речь не о том, чтобы поменять одну властную вертикаль на другую. Речь о той форме существования, где сила не измерялась способностью подавить, а измерялась способностью породить, исцелить, трансформировать, соединить. Это была сила-связность, сила-паутина, а не сила-пирамида. В паутине нет единого центра, она вся — сплошная сеть взаимосвязей, где повреждение одной нити отзывается во всей структуре. Женское сознание устроено по принципу паутины: оно видит не изолированные объекты, а отношения между ними. Оно контекстуально. Оно холистично. Именно это качество было подавлено и заменено фрагментированным, аналитическим мышлением.

Зов глубины — это не просто воспоминание. Это активная сила, которая ищет выход. Она проявляется в наших снах, полных архетипических образов: домов с потайными

комнатами, диких животных, которые говорят человеческими голосами, полётов и падений. Она проявляется в теле — в тех самых симптомах и болезнях, которые врачи не могут объяснить, потому что они рождены не вирусом, а невыплаканными слезами и непрожитыми жизнями. Она проявляется в моментах неконтролируемой ярости, которая пугает нас самих, но которая говорит: «Я жива! Я всё ещё здесь! Услышь меня!». Она проявляется в моментах внезапной, необъяснимой тоски, которая накатывает среди ночи или на закате, когда мир замирает и мы остаёмся наедине с собой.

Эта тоска — не симптом депрессии. Это зов. Это голос нашей подлинной природы, которая не умерла, а просто ушла в подполье. Она ждёт, когда мы будем готовы её услышать. Когда мы перестанем бежать, затыкать уши наушниками, глаза — бесконечным скроллингом ленты, ум — навязчивыми планами и тревогами. Когда мы рискнём остановиться в точке ноль и посмотреть вниз.

7. Точка ноль — это не дно, это плато.

Мы привыкли думать, что «точка ноль» — это катастрофа. Это когда всё рухнуло. Это кризис, нервный срыв, развод, увольнение, потеря смысла. Да, часто мы приходим к ней именно через боль. Когда внешняя жизнь, выстроенная на компромиссах и отрицании себя, даёт трещину, и

сквозь эту трещину пробивается свет подлинности. Боль — это маркер того, что мы живём не свою жизнь.

Но я предлагаю посмотреть на точку ноль иначе. Это не падение на дно ямы. Это выход на плато. Представьте, что вы долго карабкались в гору. Вам говорили, что там, на вершине — счастье и успех. Вы лезли, сбивая ноги в кровь, теряя близких, забывая о себе. Вы потратили на это полжизни. И вот, вы наконец-то достигаете, казалось бы, вершины... и видите, что она плоская. Огромное, бескрайнее плато, окутанное туманом. Нет ни фанфар, ни золотых дворцов. Есть тишина. И вы. И необходимость решить, куда идти дальше, потому что привычные указатели исчезли.

Точка ноль — это момент, когда все внешние системы навигации отказывают. Компас родительских наставлений, карта социальных норм, GPS общественного мнения — всё это перестаёт работать. Потому что эти инструменты созданы для мира, который вы покинули. Здесь, на плато, другие законы. Здесь нет проторенных дорог. Здесь нужно доставать свой собственный, внутренний компас — тот самый, что лежит на дне отравленного колодца. Его предстоит найти, очистить от ила и ржавчины, починить и настроить заново.

Это страшно. Остаться без карты в незнакомой местности

— один из самых древних человеческих страхов. Но это и самый большой подарок. Потому что только потеряв внешнюю опору, мы обретаем внутреннюю вертикаль. Только перестав спрашивать дорогу у других, мы учимся слышать свой внутренний голос. Только упав на самое дно иллюзий о себе, мы можем оттолкнуться и всплыть к настоящим.

8. Что значит «поднять голову»: прощание с жертвой.

Фраза «поднять голову» часто воспринимается как акт гордости, непокорности, вызова. И это правда. Но на гораздо более глубоком уровне это акт исцеления. Это анатомический, энергетический, духовный процесс восстановления связи. Когда женщина поднимает голову, она восстанавливает связь между сердцем и разумом, между земным и небесным, между своей животной, инстинктивной природой и своей божественной искрой.

Опущенная голова — это поза жертвы. Жертвы обстоятельств, воспитания, мужчин, патриархата, собственной слабости. Но эта книга не о том, как оплакивать свою горькую женскую долю. Позиция жертвы соблазнительна — она снимает ответственность. «Я такая, потому что со мной так поступили. Я не могу иначе, потому что меня сломали». Это правда лишь отчасти. Нам действительно причинили много зла. Нас действительно ломали. Но есть момент, когда нужно

перестать ждать извинений и компенсаций от тех, кто сломал, и начать собирать себя по кусочкам самой. Не потому что «ты должна быть сильной», а потому что это единственный путь к свободе.

Поднять голову — значит выйти из парадигмы жертвы и войти в парадигму автора. Автора своей жизни. Это не значит, что нужно забыть или простить всё, что было. Это значит перестать определять себя через нанесённые раны. Рана — это часть твоей истории, но это не твоя суть. Твоя суть — это та сила, которая позволяет тебе залечивать раны, адаптироваться, выживать и цвести даже на пепелище. Эта сила, а не страдание — вот истинная суть женской природы.

Истинная женская сила — это не реакция на угнетение. Это не «анти-мужская» сила. Это сила, существующая сама по себе, безотносительно к тому, кто и как её ограничивал. Это не производная от мужской власти, не её тень и не её противоположность. Это самостоятельная, суверенная сила самой Жизни, которая реализует себя через женскую форму. И когда женщина соединяется с этой силой, она перестаёт бороться против. Она начинает жить из. Из своего центра. Из своей истины. Из своей любви.

9. Книга-возвращение.

Эта книга — не учебник. В ней не будет десяти шагов к счастью и готовых решений. Потому что готовая карта вновь сделает вас зависимыми от внешнего авторитета. Моя задача — не дать вам новую систему координат, а помочь вам отыскать ту, что уже заложена в вас от рождения.

Мы отправимся в путешествие. Сначала мы посмотрим в бездну — изучим механизмы подавления, которые действовали на протяжении тысячелетий. Мы увидим, как сжигали ведьм и как сегодня сжигают нашу самооценку в огне социальных сетей. Мы поймём анатомию нашего падения, чтобы перестать винить себя за то, что мы «недостаточно хороши».

Затем мы начнём восхождение. Мы будем исследовать, из чего на самом деле состоит женская сила. Мы разберём её по косточкам: цикличность, интуиция, хаос, тело, сексуальность, голос, сестринство, связь с природой и духом. Мы увидим, что качества, которые нас заставляли стыдиться как «слабостей», на самом деле являются нашими сверхспособностями, просто искажёнными кривым зеркалом патриархальной культуры.

И, наконец, мы займёмся самой сложной и самой важной работой — практикой возвращения. Потому что знать — недостаточно. Нужно встроить это знание в тело, в привычки, в повседневные выборы. Нужно создать новую нервную

систему, новый способ реагировать на мир. Нужно научиться говорить «да» своей природе и «нет» тому, что её разрушает. Эта работа будет похожа на археологические раскопки или на разминирование поля. Придётся касаться болезненных мест, извлекать старые осколки и заливать раны живительным бальзамом осознанности.

Я не обещаю, что будет легко. Будет больно. Будет страшно. Возможно, вам захочется закрыть книгу и убежать обратно в привычное, «удобное» существование. Но если вы почувствуете тот самый зов, если внутри вас звучит эхо того родника, если вы знаете, что рождены для чего-то большего, чем бесконечная гонка за чужим одобрением — то пути назад уже нет.

Точка ноль достигнута. Старый мир позади. Карта выброшена. Мы стоим на плато, вдвоём: вы и ваша истинная, забытая, могущественная природа. Она протягивает вам руку. Пора поднять голову и посмотреть ей в глаза. Пора идти домой.

Часть I. Ампутация души: Механика подавления.

Глава 1. Огонь, который называли грехом.

Память, которой нас лишили.

У каждого народа есть миф о Золотом веке — времени, когда небо было ближе, звери говорили, а люди жили в гармонии с богами и природой. А потом что-то случилось. Грехопадение. Изгнание из рая. Разрыв.

Но задумайтесь на мгновение: кто рассказывает нам эти мифы? Чьими глазами мы смотрим на прошлое? История, которую мы знаем, написана победителями. А в великой войне за смыслы, которая развернулась на заре цивилизации, победил патриархат. Он не просто завоевал территории — он завоевал наше воображение, нашу память, наше представление о самих себе.

Современная наука — археология, антропология, палеолингвистика — по крупицам, преодолевая сопротивление академического истеблишмента, восстанавливает картину, которая переворачивает наши представления о прошлом. Десятки тысяч статуэток, найденных от Пиренеев до Байкала, изображают женское тело. Пышногрудые, широкобёдрые, часто безликие «Венеры палеолита» — не порнография каменного века, как пытались их представить викторианские учёные, а свидетельства культа Великой Матери. Культа, который просуществовал невероятно долго — более двадцати тысяч лет.

Двадцать тысяч лет! Для сравнения: христианству две тысячи, патриархату в его жёсткой форме — около пяти-шести тысяч. Мы живём внутри аномально короткого, аномально жёсткого эксперимента, и уже успели забыть, что до него было нечто иное. Мы считаем нормой то, что является историческим мороком.

Анатолия, Крит, долина Инда: миры, которых не было.

Раскопки Чатал-Хююка в Анатолии, датируемые седьмым тысячелетием до нашей эры, явили миру картину ошеломляющую. Поселение на восемь тысяч человек, существовавшее полторы тысячи лет, не имело ни укреплений, ни дворца правителя, ни храма, посвящённого мужскому божеству. Следов оружия и военных конфликтов — минимум. Центром духовной и, вероятно, общественной жизни была Великая Богиня. Её изображали в трёх ипостасях: юная дева, беременная мать и старуха — иногда в сопровождении хищных птиц и зверей. Рядом с ней — мужчина, возможно, возлюбленный, но он всегда меньше, всегда на втором плане. Археолог Мария Гимбутас, посвятившая жизнь изучению «Древней Европы», назвала эти общества миролюбивыми, матрилинейными и поклонявшимися Богине.

Это не был «матриархат» в смысле зеркальной копии патриархата, где женщины угнетают мужчин. Власть такого ти-

па мы даже не можем себе представить, потому что у нас нет для неё языка. Это была, скорее, матрицентричная культура — культура, сосредоточенная на таинстве жизни, рождения, смерти и возрождения, которое женщина воплощает своим телом. Кровь, молоко, способность создавать новое существо внутри себя — это был первоисточник религиозного чувства. Смерть была не концом, а возвращением в утробу земли, чтобы родиться вновь. Символизм был цикличен: спирали, круги, лунные серпы, волны — никаких прямых линий, иерархических пирамид и крестов.

Крит минойской эпохи, пока его не завоевали ахейцы, тоже хранил отблеск этого мира. Фрески Кносского дворца изображают женщин с обнажённой грудью, с гордо поднятой головой, управляющих колесницами, участвующих в священных играх с быком, руководящих ритуалами. Женщина-жрица, женщина-богиня со змеями в руках — это образ власти, но власти не подавляющей, а медиативной, связующей миры.

Что же случилось? Откуда взялся этот тектонический сдвиг?

Вторжение: колесницы, медь и новые боги.

Около пяти-шести тысяч лет назад климат Евразии на-

чал меняться. Засухи в степях Причерноморья и Прикаспия погнали в движение волны индоевропейских кочевников — так называемая курганная культура, по определению той же Гимбутас. Это были скотоводы, приручившие лошадь и изобретшие колесницу. Их общество было организовано иначе: патриархально, иерархично, милитаризовано. Их боги были мужскими — боги грома, войны, неба. Они не строили городов, они их завоёвывали.

Волна за волной — сначала мирное проникновение, потом смешанные браки, потом открытые вторжения — эта культура накрывала собой Старую Европу. Процесс занял не столетия — тысячелетия. Но результат был однозначен: богини стали жёнами богов, потом их сёстрами, потом служанками, потом демонами. Женщина из центра культа переместилась на периферию социальной жизни. Её магическая, порождающая сила была объявлена опасной, хаотичной, требующей контроля.

Этот исторический перелом — не просто смена власти. Это смена космологии, смена метафоры бытия. Матрицентричная культура мыслила мироздание как тело Великой Матери, как вечно рождающее лоно, как священный сосуд. Патриархальная культура помыслила мир как иерархию, как вертикаль власти, как глину, которой придаёт форму рука Мастера. И в этой новой картине мира женщина неизбеж-

но оказалась глиной, материей, пассивным началом, которое нуждается в оформлении мужским духом, логосом, законом.

Именно тогда, в этом тектоническом сдвиге, и началась ампутация.

Архетип Лилит против архетипа Евы.

Чтобы понять механику подавления, не нужно быть историком. Достаточно заглянуть в мифы, которые до сих пор формируют наше бессознательное. История Лилит — возможно, самый яркий пример культурного стирания женской силы.

В шумерской и вавилонской мифологии Лилит (Лиль, Лилиту) была могущественным демоническим существом — ночным духом, связанным с ветром, бурей и, вероятно, сексуальностью. Но что интересно: в ранних традициях она не была однозначно «злой». Она была амбивалентной, как и сама жизнь. Она была дикой, неконтролируемой силой природы. Её изображали с крыльями и когтистыми птичьими лапами, стоящей на спинах львов и сов — символ мудрости и ночи. Она была воплощением того аспекта женского, который не подчиняется, не принадлежит никому, не ведёт переговоры.

А потом пришёл иудаизм. В алфавите Бен-Сиры, средневековом тексте, опирающемся на более древние предания, мы находим историю, которая всё расставляет по местам. Лилит была создана, как и Адам, из праха земного — то есть равной. Но когда дело дошло до сексуальной близости, Лилит отказалась лежать снизу. «Почему я должна быть под тобой? Мы оба созданы из праха», — говорит она. Адам пытается принудить её силой. Тогда Лилит произносит непроносимое Имя Бога, обретает крылья и улетает к Красному морю. Там, если верить тексту, она совокупляется с демонами и рождает сотни демонов в день.

Бог посылает трёх ангелов вернуть её. Они угрожают убить сто её детей за каждый день отсутствия. Лилит отказывается возвращаться. И тогда её проклинают, объявляют убийцей младенцев и соблазнительницей спящих мужчин. Из равной Адаму и свободной женщины она превращается в исчадие ада. А Ева, созданная из ребра Адама — то есть заведомо вторичная, зависимая, послушная, — становится праматерью человечества.

Этот миф — матрица всего, что случилось потом. Лилит — это женская сила, которая говорит «нет». Которая отказывается быть «снизу» — в любой интерпретации этого слова. Которая готова скорее стать изгнанницей и демоном, чем подчиниться. Ева — это сила, которая согласилась. Которая

приняла правила игры и стала «помощницей». Нам веками предлагали выбор: быть Евой или быть чудовищем. Третьего не дано.

Но самое страшное в этой истории даже не проклятие Лилит. Самое страшное — то, что Лилит, какой бы чудовищной её ни рисовали, всё равно осталась в коллективном бессознательном. Она вернулась в средневековых поверьях как суккуб. Она мерещилась инквизиторам в каждой ведьме. Её образ, искажённый и демонизированный, продолжал жить — потому что силу такой величины невозможно уничтожить полностью. Можно только загнать в подполье, превратить в «тень». И тогда эта тень начинает мстить — через болезни, страхи, разрушительные паттерны поведения, через женщин, которые ненавидят себя за свою силу и одновременно не могут от неё отказаться.

Охота на ведьм как геноцид души.

То, что мы знаем об охоте на ведьм из школьных учебников, — лишь верхушка айсберга. Обычно это подаётся как курьёз: тёмные, невежественные люди верили в колдовство и сжигали невинных. Но масштаб и системность этого явления заставляют увидеть в нём нечто гораздо более зловещее: целенаправленную кампанию по уничтожению определённого типа женщин и определённого типа знания.

Подсчитано, что за несколько столетий (основной пик — с XV по XVII век) в Европе было казнено от 50 до 100 тысяч человек, подавляющее большинство — женщины. В некоторых деревнях Германии женское население было практически истреблено. Это был фемицид — целенаправленное уничтожение женщин, чьи знания, образ жизни или просто характер не вписывались в новую, всё более жёсткую патриархальную норму.

Кто становился жертвой? Повитухи, знавшие травы и принимавшие роды. Их знания о контрацепции и абортах напрямую угрожали контролю над женской репродуктивной функцией. Знахарки и целительницы, лечившие без священников и врачей-мужчин. Их объявляли конкурентками нарождающейся официальной медицины. Одинокие женщины, вдовы, старые девы — те, кто существовал вне контроля мужчины (отца или мужа) и одним своим существованием подрывал норму. Женщины с ярко выраженной сексуальностью или, наоборот, с её отсутствием. Женщины, которые слишком громко говорили, ссорились с соседями, имели своё мнение. Женщины, которые просто были «странными» — возможно, страдали психическими расстройствами или обладали экстрасенсорными способностями, которые пугали окружающих.

Знаменитый «Молот ведьм» (*Malleus Maleficarum*), написанный в 1487 году монахами-доминиканцами, стал бестселлером своего времени, уступая по тиражам только Библии. Это был подробнейший учебник по выявлению, допросу и уничтожению ведьм. Читая его сегодня, видишь документ чудовищной женоненавистнической одержимости. Там утверждается, что женщины более подвержены дьявольским соблазнам в силу своей природы — они «слабы умом», похотливы, лживы, мстительны. Сама способность женщины к деторождению объявляется потенциально дьявольской, потому что через неё дьявол может действовать. Менструальная кровь — источник порчи. Акушерство — прикрытие для убийства младенцев и посвящения их сатане.

Обратите внимание: женская сила — сексуальная, репродуктивная, целительская — демонизируется. Женщина-творец превращается в женщину-разрушительницу по определению. Единственный способ «спастись» для женщины в такой картине мира — полностью подчиниться мужской власти (отцу, мужу, духовнику), отказаться от своей природы, стать «сосудом скудельным», пустым и пассивным.

И они сжигали. Сжигали живьём, публично, с предварительными пытками, выбивая признания в совершенно фантастических преступлениях: полёты на шабаш, совокупление с дьяволом, вызывание града и неурожая. Под пытка-

ми женщины признавались в чём угодно. Их пытали до тех пор, пока они не называли имена других женщин. Охота на ведьм была самовоспроизводящейся системой террора. Донос поощрялся. Имущество казнённой конфисковывалось. Это был, помимо прочего, и экономический проект.

Но самое главное — был уничтожен женский институт передачи знаний. Столетиями существовали сети женщин, передававших друг другу тайны трав, заговоров, родовспоможения, психологической помощи. Это была параллельная, неформальная, устная культура, неподконтрольная церкви и государству. Инквизиция сожгла её дотла. На пепелище выросли мужские институты — университетская медицина, закрывшая женщинам доступ к образованию, церковная исповедь, заменившая утешение подруг вертикальным покаянием перед мужчиной-священником. Женщина осталась одна. Изолированная в семье, зависящая от мужа, отрезанная от знания своего тела, от мудрости предков. Эта изоляция длится до сих пор.

Геноцид ведьм был не просто убийством людей. Это было убийство архетипа. Архетипа Дикой Женщины, Знающей Женщины, Женщины-без-мужчины. Её загнали в коллективную тень, откуда она до сих пор смотрит на нас искажённым ликом — то буйной феминистки, которую ненавидят хейтеры в интернете, то стервы-карьеристки, то одинокой су-

масшедшей с сорока кошками. Мы боимся её, потому что её сила не вписана в контракт. Мы боимся узнать её в себе.

Как это работает сегодня: костёр в смартфоне.

Было бы ошибкой думать, что всё это в прошлом. Форма изменилась, суть осталась. Мы больше не сжигаем женщин на площадях (по крайней мере, в западном мире), но мы сжигаем их репутацию, их самооценку, их психику. Охота на ведьм никуда не делась — она просто мигрировала в цифровое пространство.

Социальные сети стали новой площадью для публичной казни. Женщина, которая осмелилась высказать непопулярное мнение, показать тело, которое не соответствует стандарту, признаться в нежелании иметь детей, проявить гнев или сексуальность на своих условиях — немедленно подвергается травле. Её назовут истеричкой, шлюхой, уродиной. Ей пригрозят изнасилованием и убийством. Её фотографии обработают в унизительные мемы. Толпа, сидящая в телефонах и ноутбуках, выполняет ту же функцию, что и толпа на средневековой площади: она обозначает границы дозволенного через ритуальное унижение нарушительницы.

И мы, наблюдая это изо дня в день, усваиваем урок. Мы занимаемся самоцензурой. Мы десять раз подумаем, прежде

чем написать пост, который могут «не так понять». Мы фильтруем свои мысли, чтобы они звучали «удобно» и не провоцировали агрессию. Мы ретушируем свои фотографии до полной неузнаваемости, чтобы избежать критики внешности. Мы загоняем свою Лилит обратно в клетку, даже не давая ей открыть рот.

Внутренний инквизитор получил новые инструменты. Теперь он называется «внутренний критик», «синдром самозванца», «перфекционизм». Он говорит с нами голосом нашего отца, который никогда не хвалил, или матери, которая критиковала своё отражение в зеркале, или школьной учительницы, которая стыдила за слишком громкий смех. Он говорит с нами голосом социальных сетей, где все стройнее, успешнее и счастливее нас. И мы сжигаем себя сами. На медленном огне хронического стресса, самокритики и отрицания собственной природы.

Огонь, который называли грехом — это наша жизненная сила, наша сексуальность, наша интуиция, наша ярость. Их объявили опасными. Но огонь не может быть греховным по определению. Греховным может быть только его подавление, его извращение, его отсутствие. Мы замёрзли у этого внутреннего огня, потому что нас убедили, что греться у него — стыдно.

Глава 2. Великая инверсия: Сила стала слабостью.

Ловушка определений.

Слова — это заклинания. Называя что-то, мы вызываем это к жизни или, наоборот, лишаем существования. Язык — самое мощное оружие в войне за реальность. И в этой войне женское начало потерпело сокрушительное поражение. Сам язык, на котором мы говорим о мире и о себе, пропитан иерархией и обесцениванием.

Подумайте о словах, которые описывают женские качества, и об их эмоциональной окраске. «Эмоциональность», «чувствительность», «интуитивность», «мягкость», «пассивность», «восприимчивость», «хаотичность», «цикличность», «текучесть», «заботливость». В деловом, «серьёзном» мире все эти слова — почти ругательства. Женщину-руководителя могут похвалить за «мужской ум» и «железную хватку», но стоит ей проявить эмпатию или нерешительность — это будет записано в недостатки, обусловленные её полом.

А теперь посмотрите на «мужские» эквиваленты: «рациональность», «решительность», «жёсткость», «активность», «стабильность», «логика», «воля». Это язык силы, успеха, нормы. Человек вообще, «*homo sapiens*», мыслится по умол-

чанию как мужчина, действующий по законам логики и стремящийся к цели. Женщина — отклонение от нормы, загадка, проблема, «вечная женственность», которую нужно либо воспевать как музу, либо приручать как стихию.

Великая инверсия заключается вот в чём: качества, которые являются источником колоссальной, специфически женской силы, были переопределены как слабости. Их не просто признали «не такими», как мужские. Их признали худшими, вторичными, мешающими. Женщину убедили стыдиться самой своей сути и стремиться к недостижимому идеалу, который на самом деле является проекцией мужских представлений о том, какой должна быть «идеальная женщина».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.